

5 мая 1988 года • ВЕЧЕРНИЙ ЛЕНИНГРАД № 104 (18494) • 3 стр.

ПРОЩАЙ, АРТИСТ

Падал тополиный пух...

Взять интервью у Павла Петровича Кадочникова — таким было редакционное задание. И я маялась почти три часа перед дверью, за которой шло обсуждение сценария «Серебряные струны».

Предварительной договоренности не существовало — Кадочников жил то лето, накануне своего семидесятилетия, на даче в Колтушах, а телефон был «засекречен». Бежал юбилея?

Но и работал, писал сценарий!

Момент оказался крайне неудачен: сценарий в тот день не приняли. Как поступил бы

почти любой иной человек в подобной ситуации? Естественно, отправил бы журналиста восвояси и был бы прав. Кадочников согласился побеседовать, и мы отправились к нему домой, благо его квартира — в двух шагах от «Ленфильма».

Тут надо сказать — была.

Кадочников умер. И при этом известии, прозвучавшем в программе «Время» после секунды молчания, когда мы, безошибочно угадав ее смысл, прерываем домашние дела и домашние разговоры, — при этом известии всем сразу вспомнились и разведчик Федотов,

и летчик Маресьев, и композитор Мухин, и князь Владимир Старицкий, и старик Трилецкий...

Это действительно был актер, которого знали все.

И потому мне кажется неуместным сегодня в который раз повторять то, что известно о Кадочникове всем. И потому — только маленькое личное впечатление, один штрих.

Мы шли с Павлом Петровичем по Кировскому проспекту, и высокий седой человек говорил, и я не замечала, узнают ли его прохожие. Он говорил о своей мечте поставить фильм о Василии Андрееве и о своих новых ролях и прошлых работах, о своих учителях и своей любви к Отечеству. И во дворе его дома мы неожиданно остановились и почему-то (может, он хотел побыть на воздухе после долгого комнатного разговора) полчаса простояли, прежде чем продолжить путь. Я посмотрела снизу вверх ему в глаза и вдруг увидела тополиную пушинку, зацепившуюся за пушистые, как у ребенка, ресницы. И увидела, что сами глаза — голубые, невыцветшие, — как в детстве.

Небо было синее, листва зеленая, и этот поздний, июльский, последний белый тополиный пух.

Потом мы сидели за круглым столом в квартире, тоже многократно описанной и даже снятой в кино, и блокнот сохранил слова: «„Ничего, все идет великолепно, все образуется“ — в ходу у меня такая поговорка».

Они вошли, эти слова, в интервью, которое было напечатано... А личное впечатление осталось. Невысказанное тогда, сегодня оно ощущается как долг. Что ему? Его любил и будет любить — вспоминать народ. Все равно — возвращая с благодарностью.

О. ШЕРВУД

Фото В. ПЛОТНИКОВА

